

Золотая
серия
поэзии

Золотая серия поэзии

Владислав Ходасевич

Ищи меня

Москва
2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Х69

В оформлении переплета использованы репродукции картин «Психея» (1892) художника *Вильяма Бугро* (1825–1905) и «Орфей» (1800) художника *Paul Duqueylar* (1771–1845) и фотография Владислава Ходасевича фотографа *Петра Шумова* (1865–1936)

Ходасевич, Владислав Фелицианович.

Х69 Ищи меня / Владислав Ходасевич. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 256 с. — (Золотая серия поэзии).

ISBN 978-5-699-87538-2

В. Ф. Ходасевич (1886–1939) — «гордость русской поэзии», по слову В. Набокова, «крупнейший поэт нашего времени, литературный потомок Пушкина по тютчевской линии», чьим творческим кредо стало духовное стремление выйти из своего малого «я» в большое, критик, историк литературы, безупречный стилист. В своих стихах, сочетающих традицию русской классической поэзии с мироощущением человека XX в., воплотил трагический конфликт свободной человеческой души, нарождающегося духа и враждебного мира, стремление преодолеть разорванность сознания в гармонии творчества. В своей поэзии В. Ходасевич «защитился от символизма Пушкиным», благодаря чему создавал стихотворения, в которых частное существование обрело значимость.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-699-87538-2

© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

РЕМБРАНДТОВА ПРАВДА В ПОЭЗИИ НАШИХ ДНЕЙ

(о стихах В. Ходасевича)

Есть редкое счастье в писании: это возможность естественно поделиться с читателем радостью (радостей мало у нас: потому-то их ценишь); недавно испытывал редкую радость я: слушал стихи; и хотелось воскликнуть: «Послушайте, до чего это — ново, правдиво: вот — то, что нам нужно: вот то, что новей футуризма, экспрессионизма и прочих течений!» Стихи принадлежали поэту не новому, — и поэту без пестроты оперения — просто поэту. В поэте жила одна нота, которая переживает новейшее, ибо новейшее не выживает, новейшее при появлении самоновейшего старится; да, пятнадцать уж лет как господствует в нашей поэзии спорт; самоновейшее вытесняет новейшее; и поэту, которому не пришлось быть новейшим сначала, не уделяли внимания; некогда было заняться им: не до него — Маяковский «штанил» в облаках преталантливо; и отелился Есенин на небе — талантно, что говорить; Клюев озеро Чад влил в свой чайник и выпил, развел баобабы на севере так преталантно, почти гениально что

нам не было время вдуматься в безбаобабные строки простого поэта, в котором правдивость, стыдливость и скромная гордость как будто нарочно себя отстраняют от конкурса на лавровый венок. И вот — диво: лавровый венок — сам собою на нем точно вырос; самоновейшее время не новые ноты поэзии вечной естественно подчеркнуло; и ноты правдивой поэзии, реалистической (в серьезнейшем смысле) выдвинуло, как новейшие ноты.

Скажу я подобием: был несноснейший живописный период, когда «Мир Искусства», столь давший искусству, как будто прокис в киселе художников «Голубой Розы»; я помню — тогда опротивела мне современная живопись; лишь у кубистов и даже супрематистов кричащие странности и непрозяблые правды меня познавательно волновали; но сердце не билось. Недавно увидел эскиз я: два яблока с червоточиной на краснейшей бумаге, фон синий и скомканный — только два яблока! Но захотелось мне подскочить и воскликнуть: «Да это ведь — чудо: яблоки, как живые (их взять бы да съесть) — вместе с тем — откровенье духовного мира они». Тут я понял, что самоновейшие направления были лишь пестрым мостом к углубленному реализму за-футуристической линии. В «яблоках» у Чупятова — конец старых форм оказался началами старо-нового — вечного: живопись начинается! Да здравствует живопись! С этим чувством новооткрытой страны русской живописи понял я впечатление от послед-

них стихов Ходасевича, поэта не нового, на которого критика не бросила благосклонного взгляда. Он, стоя на месте, и не стремясь в новизны, углублял и чеканил гравюрою иеколоритные строчки казалось бы... до классицизма, до стилизации?

Нет: до последней черты правдивейшего отношения к себе, как к поэту, которое, вдруг заблестав простотой из пестрот и персидских ковров модернизма, меня заставляет сказать: «Что это? Реализм, доведенный до трезвой суровой прозы, иль — откровение духовного мира?»

Какая может быть досада,
И счастья разве хочешь сам,
Когда нездешняя прохлада
Уже бежит по волосам?
Глаз отдыхает, слух не слышит,
Жизнь потаенно хороша,
И небом невозбранно дышит
Почти свободная душа.

Разве это поэзия? Простой ямб, нет метафор, нет красок — почти протокол; но протокол — правды отстоянного душевно-духовного знания. Знаете, чем волшебным освещены эти немаркированные строчки? Одной строкой, верней одним словом «почти». «Почти свободная душа». Как в «чуть-чуть» начинается тайна искусства, так в слове «почти» — магическая красота правды строк: и это «п о ч т и» — суть поэзии Ходасевича. Или:

Смотрю в окно — и презираю;
Смотрю в себя — презрен я сам;

На землю громы призываю,
Не доверяя небесам.

Дневным сиянием объятый
Один беззвездный вижу мрак.
Так вьется на гряде червяк,
Рассечен тяжкою лопатой.

Последние две строки одним штрихом вычерчивают весь рельеф восьмистишия; стихотворение, как картина, выходит из рамы: становится жизнью — правдой души.

Или: вот стихотворение «Ласточки». Имеющий ухо да слышит!

Имей глаза — сквозь день увидишь ночь,
Не озаренную тем воспаленным диском.
Две ласточки напрасно рвутся прочь,
Перед окном шныряя с тонким писком.

Ион ту прозрачную, но прочную плеву
Не прободать крылом остроугольным.
Не выпорхнуть туда, за синеву,
На птичьим крылышком, ни сердцем подневольным.

Пока вся кровь не выступит из пор,
Пока не выплачешь земные очи,
Не станешь духом. Жди, смотря в упор,
Как брызжет свет, не застилая ночи.

Здесь прием тот же: стихотворение умеркает тенями неяркости; вдруг «чуть-чуть» — свет, штрих, зигзаг поэтической правды (отстой многих жизненных лет); и — Рембрандтов рисунок; неяркость, немаркость — прием для «света правды»:

Пока вся кровь не выступит из пор,
Пока не выплачешь земные очи —
Не станешь духом.

Вот — девиз всякой правдивой и вечной поэзии: она не только душевна, она и духовна: метафоры, яркости, пестрота, ритмы, умности и заумности, неологизмы — не спорю: все это — прекрасное оперенье душевности; и лучше душевность, чем бездушевность, когда «духа поэзии» нет; «дух» поэзии — правда; и «облаками в штанах», и утончением чувства он, «дух», не дается еще: где же есть «дух поэзии правды», там критерии старого, нового, пролетарского, декадентского или крестьянского стиля отступают на задний план; хорошо, если к духу присоединится «душевность». Мы скажем: «Какая яркость!» И ярк Клюев, когда говорит:

Осеняет словесное древо
Избяную дремучую Русь.

Но не забудем: «словесное древо» — еще есть метафора, или — душевность (у Клюева за душевную роскошь есть зерно духа); можно писать «духом» без «древословных навесов»; и быть все же поэтом воистину. У Ходасевича нет «древословных навесов», а есть среди серого фона и сумерка строчек один только штрих, молниеносно рельефящий все: штрих «духовной поэзии»; в наши же дни, когда все, что земля и душа,

распылилось (земля не питает, душа не хмелит) — в духовности, в трезвости, в строгости, в четкости — правда; и эта правда поэта ненового ставит в самоновейшее место: «Пока вся кровь не выступит из пор, не станешь ты поэтом правды» — хочется перефразировать Ходасевича.

Искони пестрота и «душевность» (духовная, бездуховная) заполняли духовность поэзии» — только духовность; и только духовные — открывались потом. Наше время такое открытие знает: Баратынский стоит перед нами: в истекшем столетии крылся он в сумерках, заглушаемый попеременно: поэзией Пушкина, Бенедиктова, Лермонтова, Алексея Толстого, Надсона; его заслоняли великие, малые — все, чтоб в двадцатом столетии выпрямил он исполинский свой рост. Ходасевича по размеру с иными поэтами современности сравнивать я не хочу, но — скажу: точно так же в кликушестве моды его заслоняют все школы (кому лишь не лень): Маяковский, Казин, Герасимов, Гумилев, Городецкий, Ахматова, Сологуб, Брюсов — каждый имеет ценителей. Про Ходасевича говорят: «Да, и он поэт тоже...» И хочется крикнуть: «Не тоже, а поэт Божьей милостью, единственный в своем роде». И он может сказать языком Баратынского о характере музыки своей, что красавицей ее не назовут, но что она поражает «лица не общим выраженьем». И это «необщее выраженье» — теневая, суровая Рембрандтова правда штриха: духовная правда!

Андрей Белый

Путем зерна

ПУТЕМ ЗЕРНА

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.

Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

23 декабря 1917

СЛЕЗЫ РАХИЛИ

Мир земле вечерней и грешной!
Блещут лужи, перила, стекла.
Под дождем я иду неспешно.
Мокры плечи, и шляпа промокла.
Нынче все мы стали бездомны,
Словно вечно бродягами были,
И поет нам дождь неумемный
Про древние слезы Рахили.

Пусть потомки с гордой любовью
Про дедов легенды сложат —
В нашем сердце грехом и кровью
Каждый день отмечен и прожит.
Горе нам, что по воле Божьей
В страшный час сей мир посетили!
На щеках у старухи прохожей —
Горячие слезы Рахили.

Не приму ни чести, ни славы,
Если вот, на прошлой неделе,

Ей прислали клочок кровавый
Заскорузлой солдатской шинели.
Ах, под нашей тяжелой ношей
Сколько б песен мы ни сложили —
Лишь один есть припев хороший:
Неутешные слезы Рахили!

5—30 октября 1916

